

УДК 111.85

Универсальный язык и универсальная письменность: утопия или реальность

Абрамов Н.Р., студент

*Россия, 105005, г. Москва, МГТУ им. Н.Э. Баумана
кафедра «Приборы и системы ориентации, стабилизации и навигации»*

Научный руководитель: Ореховская Н.А., д.ф.н., профессор

Россия, 105005, г. Москва, МГТУ им. Н.Э. Баумана

orehovskaya@bmstu.ru

Мир стремительно глобализируется. Различные культуры порой плавно, а порой с предельным напряжением устремляются в общее культурное пространство. Разумеется, мы являемся свидетелями многочисленных конфликтов, недоразумений и противоречий, связанных с этим процессом. Как может реализоваться диалог культур в современном мире? Какая символика окажется наиболее приемлемой для общего языка человечества? Смогут ли народы, веками взращивающие свою национальную самобытность, перейти к универсальному общению?

Как известно, в мировой культурологии эта тема полвека назад рассматривалась как проблема культурного кода. Так называлась базовая единица культурной жизни. Культурный код представляет собой совокупность знаков и символов, которые присущи данной культуре. Он может рассматриваться также как иерархия определенных культурных универсалий.

Глобализация призвана в значительной мере сгладить эти различия, сделать культурные коды прозрачными и приемлемыми для всего человечества. В качестве главного средства, рождающего культурную близость народов, рассматривался язык. Здесь, вероятно, первыми отличились египтяне, которые стали отказываться от шумерского языка и придумывать другой, более приемлемый. Он состоял из восьмидесяти морфем, позволяющих манипулировать ими, создавая различные комбинации слов и их сочетаний. Египтяне, понятное дело, не были знакомы с латиницей, поэтому они рисовали картинки. Получалось, что иероглифы выражали себя иероглифами.

В. Гумбольдт писал: «Языки – это иероглифы, в которые человек заключает мир и свое воображение; при том, что мир и воображение, постоянно создающее картину за

<http://sntbul.bmstu.ru/doc/583203.html>

картиной по законам подобия, остаются в целом неизменными, языки сами собой развиваются, усложняются, расширяются. Через разнообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем...». По мнению немецкого философа, изучение языков мира – это также всемирная история мыслей и чувств человечества. Она описывает людей всех стран и всех степеней культурного развития.

Долгие десятилетия считалось, что диалог культур возможен, прежде всего, на основе английского языка. И в самом деле, невозможно представить без него современный мир. Ведь на нем говорят не только жители Великобритании, США, Новой Зеландии и Австралии. Во многих странах, например в Ирландии, Канаде, Либерии, английский язык является официальным. С чем связана такая коммуникативность данного языка? Прежде всего, с той ролью, которую Великобритания играла когда-то в политическом и экономическом бытии народов. Будучи незначительной по территории, Англия бросила всю свою мощь на то, чтобы «корона» получила новые земли. Так английский язык стал распространяться в Азии, Африке, Австралии и Новом Свете.

После Второй мировой войны английский язык укрепился в качестве средства общения многих народов. Он стал языком многих международных организаций: ООН, НАТО, ЮНЕСКО. Невозможно представить себе современную политическую и экономическую жизнь вне английской культуры. Политические, культурные, спортивные мероприятия неукоснительно требуют английской речи. Английский язык укрепляется и претендует на то, чтобы стать способом международного общения.

В 1920-х годах американский лингвист Эдвард Сепир (Edward Sapir) выдвинул гипотезу лингвистической относительности, согласно которой не реальность определяет язык, на котором о ней говорят, а, наоборот, само восприятие реальности опосредовано языком. Сепир писал, что люди живут не только в объективном мире вещей и не только в мире общественной деятельности, как это обычно полагают; они в значительной мере находятся под влиянием того конкретного языка, который является средством общения для данного общества. Было бы ошибочно полагать, что мы можем полностью осознать действительность, не прибегая к помощи языка, или что язык является побочным средством разрешения некоторых частных проблем общения и мышления. На самом же деле «реальный мир» в значительной степени бессознательно строится на основе языковых норм данной группы... Мы видим, слышим и вообще воспринимаем окружающий мир именно так, а не иначе главным образом благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества.

На лекции Сепира всегда собиралось множество людей, и одним из них стал молодой химик Бенджамин Ли Уорф (Benjamin Lee Whorf), живо интересовавшийся

лингвистикой. Уорф работал в страховой компании и частенько был вынужден беседовать с жертвами пожаров. Разговаривая с работниками склада бензиновых цистерн, которые описывали причину возникновения огня, Уорф пришел к выводу, что люди воспринимают предметы не так, как указывают их органы чувств, а так, как их преподносит язык. Если на бочке написано «Вода», то в нее можно бросить непогашенный окурок, несмотря на то, что от бочки за версту несет бензином и на воде плавает хорошо различимая бензиновая пленка. Если же рядом с пустой бочкой повесить объявление «Курить воспрещается! Бензин!», то люди будут оценивать безопасную обстановку как опасную и пугающую. Или другой пример Уорфа: возле склада под названием «Бензиновые цистерны» работники ведут себя крайне осторожно, однако рядом со складом, который называется «Пустые бензиновые цистерны» («Empty gasoline drums»), они сразу забывают об осторожности: курят и бросают окурки, - хотя прекрасно знают, что в пустых цистернах могут содержаться взрывоопасные испарения. Уорф заключил, что при наличии реально опасной ситуации лингвистический анализ ориентируется на слово «пустой» (empty), которое имеет еще и переносное значение: «ничего не значащий, не имеющий последствий». Именно это переносное значение слова приводит к тому, что ситуация с пустыми цистернами «моделируется» в сознании работников склада как безопасная.

Но, конечно, его вкладом в науку стали не эти любопытные, но вполне дилетантские наблюдения, а то, что вслед за своим учителем Уорф обратился к индейским языкам. Отличие языков и культуры индейцев от того, что было ему хорошо известно, оказалось столь значительным, что он не стал разбираться в нюансах и объединил все «цивилизованные» языки и культуры под общим названием «среднеевропейский стандарт» (Standard Average European).

Одна из главных его статей, лёгшая в фундамент гипотезы, как раз и посвящена сравнению выражений понятия времени в европейских языках, с одной стороны, и в языке индейцев хопи – с другой. Он показал, что в языке хопи нет слов, обозначающих периоды времени, таких как мгновение, час, понедельник, утро, со значением времени, и хопи не рассматривают время как поток дискретных элементов. В этой работе Уорф проследил, как соотносятся грамматические и лексические способы выражения времени в разных языках с поведением и культурой носителей.

Ещё один знаменитый пример, упоминания которого трудно избежать, связан с количеством слов для обозначения снега в разных языках. Цитируя своего учителя Боаса, Уорф говорил, что в эскимосских языках есть несколько разных слов для обозначения разных видов снега, а в английском все они объединены в одном слове snow. Свою главную идею Уорф высказал, в частности, таким образом: «Мы членим природу по

линиям, проложенным нашим родным языком», – и назвал её гипотезой лингвистической относительности.

Эти наблюдения, а также выслушанный Уорфом курс лекций Сепира привели к тому, то он развил взгляды своего учителя и сформулировал гипотезу лингвистической относительности (гипотезу Сепира-Уорфа), благодаря которой получил мировую известность. Согласно этой гипотезе, у людей картина мира в значительной степени определяется системой языка, на котором они говорят. Грамматические и семантические категории языка являются не только инструментами для передачи мыслей говорящего, но и управляют мыслительной деятельностью, формируя идеи человека. Таким образом, предполагается, что люди, которые говорят на разных языках, будут иметь и разные представления о мире, а в случае значительных структурных расхождений между их языками при обсуждении некоторых тем у собеседников могут возникать трудности с пониманием.

После публикации этой гипотезы последовал ряд исследований мышления людей, говорящих на принципиально различных языках (американских индейцев, полинезийцев и эскимосов). Эти исследования продемонстрировали, что язык действительно накладывает сильный отпечаток на характер мышления. Однако твердого, признанного академической лингвистикой, доказательства гипотеза Сепира-Уорфа так не получила. Ее сторонники нередко утверждают, что она ни в каких доказательствах не нуждается, поскольку зафиксированное в ней утверждение является очевидным фактом. Оппоненты же склонны считать, что она и не может быть ни доказана, ни опровергнута.

Хотя в настоящее время и существуют попытки создать универсальный язык, концепция которого была разработана еще в XVII веке, значительных результатов это не принесло. Это связано с тем, что абсолютно для всех носителей этих искусственных языков они не являются родными. Кроме того лексический, грамматический и фонетический состав таких языков либо не до конца продуман создателями, либо сложен для восприятия.

Как бы то ни было, идея широкого внедрения универсального языка, позволившего бы улучшить когнитивные возможности отдельного человека и повлиять на общественное развитие, до сих пор остается утопией.

Список литературы

1. Универсальный язык глобалистики //Век глобализации. № 1, 2012.
2. Кохановский: В. П., Лешкевич Т. Г., Матяш Т. П., Фатхи Т. Б. Основы философии науки. Учебное пособие для аспирантов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007.

3. Лейбниц Г.В. Сочинения в четырех томах: Т. 3. М.: Мысль, 1984.
4. Спирова Э.М. Жизнь и судьба гипотезы лингвистической относительности //Наука и жизнь. № 8, 2011.